

Утренний свет пробивался сквозь полупрозрачные шторы, заливая комнату. Чжо Хуа лежал на кровати, не в силах пошевелить даже пальцем.

Казалось, по всему его телу проехалось колесо, каждый дюйм кожи ныл, а из самой глубины костей сочилась невыносимая ломота.

Он обессиленно пробормотал проклятия:

— Будь ты проклят, Чу Ичэнь, я тебе этого не прощу.

Тонкие пальцы Чу Ичэня нежно погладили растрепанные волосы Чжо Хуа. Он наклонился и мягко поцеловал его в лоб, а в голосе зазвучали нотки нескрываемого обожания:

— Умница, мой хороший, давай я разомну тебе мышцы.

С этими словами он положил ладонь на ноющее поясничное отдел Чжо Хуа и принялся размеренно разминать, при этом в уголках его губ играла довольная, лукавая улыбка.

Честно говоря, он основательно подготовился и был готов к тому, что возникнут трудности, но, не считая самой первой попытки, всё прошло на удивление гладко. Более того, во время их бурной ночи на переносице Чжо Хуа расцвел яркий алый цветок персика, после чего в него будто вселился какой-то дикий дух — сил у него стало хоть отбавляй. Он даже проснулся на следующее утро бодрым и свежим.

Цзян Яньцы знал, что Чжо Хуа любит поваляться в постели, поэтому, наказав тетушке Цянь разогреть завтрак, ушел на работу. Он также попросил передать Чжо Хуа, что в компании сейчас завал и домой он вернется не скоро.

— И чем это он, интересно, занят? — проворчал Чжо Хуа. — Проектами? Или кем-то другим? Чу Ичэнь, ты подлец!

Утренний свет снова и снова падал на влажную от пота челку Чжо Хуа. Он лежал, разметавшись по простыням, не имея сил даже поднять руку, чтобы вытереть пот.

Эти несколько дней Чу Ичэнь проявлял такую изобретательную заботу, окружал его такой тщательной опекой с рассвета до глубокой ночи, что от него, казалось, остались одни кости.

Чжо Хуа из последних сил приподнялся и выдавил улыбку, которая выглядела хуже, чем гримаса боли:

— Чу Ичэнь, завтра я действительно должен выйти на работу, иначе дедушка меня отчитает. Твоя компания простаивает, а моя — нет!

Чу Ичэнь приподнял бровь и подался вперед:

— Забота о тебе не мешает работе. Может, я буду заезжать за тобой каждый вечер?

Чжо Хуа стиснул зубы, протянул руку, обхватил его за шею и прошептал на ухо:

— Через пару дней, давай через пару дней я сам тебя найду, хорошо?

Его пальцы слегка погладили затылок мужчины, что вызвало у того низкий смешок.

Проводив взглядом Чу Ичэня, наконец покинувшего комнату, Чжо Хуа с облегчением выдохнул, уткнулся лицом в подушку и глухо проворчал:

— Смерть моя...

Маленькая Черепашка, снова обретя видимость, тут же всплыла в комнату:

— Чжо Хуа! Как ты посмел отдаться моему хозяину! Ты же любишь Цзян Яньцы! Неужели твои чувства так дешево стоят?

Чжо Хуа в ярости схватил подушку и швырнул ее в сторону.

— Кто из нас доводит человека до полусмерти? Разуй свои глазенки и посмотри внимательнее!

Подушка с глухим стуком врезалась в Маленькую Черепашку, припечатав ее к стене, после чего та шлепнулась на пол. Она закружилась на месте, беспомощно перебирая лапками, а в глазах у нее плясали искры. Лишь спустя долгое время она пришла в себя.

— Тогда ты не должен предавать хозяина, — буркнула она, косясь на Чжо Хуа и теряя свой пыл.

— С какой стати? Это он всё устроил силой, я еще должна быть благодарна, что не свожу с ним счеты.

Маленькая Черепашка, злая и бессильная, достала свой блокнотик и сделала пометку: мерзавец, который после всего делает вид, что ничего не было.

Резкий звонок телефона разорвал тишину. Чжо Хуа, морщась от боли в пояснице, перевернулся и, увидев на экране имя Су, почувствовал, как сердце ушло в пятки.

Едва он коснулся экрана, как из динамика раздался бодрый, но властный голос старика:

— Чжо, я слышал, ты на работу не ходишь уже несколько дней?

Рука Чжо Хуа дрогнула, телефон чуть не выскользнул:

— Дедушка, я же травмировался.

— Три недели прошло, рука еще не зажила?

— Рука зажила, но сердце всё еще не отошло от шока.

— Брось болтать чепуху, я что, не знаю твоего характера?

— Дедушка, дедушка, дедуля! Завтра же выйду на работу!

— То-то же. И еще: завтра можешь не работать, приезжай в старое поместье.

Повесив трубку, Чжо Хуа снова рухнул на кровать. Когда же закончится эта жизнь, полная каторжного труда?

*

— Молодой господин вернулся, старый господин ждет вас на четвертом этаже.

— Понял.

Дворецкий стоял у лестницы, провожая Чжо Хуа взглядом.

Лестница из темного сандалового дерева отливала мягким блеском. Дверь в кабинет на четвертом этаже была приоткрыта. Чжо Хуа топтался на пороге, то и дело вставая на цыпочки, чтобы заглянуть в щель, словно замышлял что-то недоброе.

Не успел он придумать, с чего начать разговор, как изнутри раздался громовой голос старика:

— Чего топчешься? Раз пришел, заходи немедленно!

Чжо Хуа вздрогнул и, набравшись храбрости, толкнул дверь.

— Дедушка, сколько не виделись, а у тебя еще больше седых волос прибавилось.

Старик Су промолчал: если не умеешь говорить приятные вещи, лучше промолчи, за него никто не примет.

Когда Чжо Хуа сел рядом, старик дрожащими руками пододвинул к нему стопку документов:

— Все эти дома и счета переведены на твое имя. Ты не справишься с этой сворой шакалов. Запомни, нам не нужно огромное богатство, главное — быть сытым, одетым и иметь деньги про

запас. Я оставляю тебе еще немного акций компании.

Он сжал руку Чжо Хуа, и от его покрытой морщинами ладони исходило тепло.

— Про некоторые дома и лавки никому не рассказывай. Будь осторожен, даже с самыми близкими людьми — что-то прячь, о чем-то умалчивай, оставь себе путь к отступлению.

Чжо Хуа поморщился и отодвинул бумаги обратно, глядя на узор стола:

— Мне это не нужно...

Не успел он договорить, как удар старика по столу заставил его вздрогнуть. Лицо дедушки помрачнело:

— Что за глупости!

В мутных глазах старика блеснули слезы, но он, сохраняя суровый вид, насильно вложил документы внутрь его одежды. Видя, что Чжо Хуа понурил голову и молчит, он смягчился и костлявой рукой погладил его по волосам.

— Слушайся, Чжо Хуа, пора взрослеть, — голос старика был тихим, как осенний ветер за окном. — Когда-нибудь, когда меня не станет, это будет твоей опорой...

Будь ты хоть демоном, хоть небожителем, долгая жизнь — самая никчемная вещь. У Чжо Хуа защипало в глазах; старик Су был первым человеком, которого он по-настоящему полюбил.

Старик внезапно подался вперед, его взгляд на мгновение прояснился:

— Скажи мне, тот человек... мужчина или женщина?

Чжо Хуа замер, хлопая глазами:

— А? Какой человек?

Старик усмехнулся:

— Не прикидывайся дурачком! Думаешь, я совсем ослеп? Если не хочешь, чтобы я знал, хотя бы шею прикрывай, глаза у деда всё еще зоркие.

Лицо Чжо Хуа вспыхнуло, он суетливо прикрыл шею рукой. Проклятый Чу Ичэнь!

— Вот и хорошо, как будет время, приводи его, я должен посмотреть, стоит ли он чего-то, — задумчиво произнес старик. — Нужно передать тебя в надежные руки, так будет спокойнее.

Чжо Хуа лишь замахал руками, пытаясь вытряхнуть лишние мысли из головы дедушки:

— Дедушка, не придумывай! Я вовсе не собираюсь быть с ним!

С каждой фразой он краснел всё сильнее, сердце бешено колотилось, и он добавил:

— Не вздумай устраивать мне смотрины, у меня уже есть человек на примете.

<http://bllate.org/book/18787/1824506>